



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327.51

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-732-744

EDN VKTIWO

Оригинальное исследование

О некоторых индикаторах системы межгосударственных отношений в текущей фазе процесса трансформации мирового порядка

Лобанов К.Н. , Шахов В.В.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71
Email: lobanov.politika@gmail.com, schahov.slava@yandex.ru

Аннотация. Переживаемое в моменте состояние межгосударственных отношений обнаруживает отчетливую динамику следования от международного порядка, основанного на правилах (rule-based), сгенерированного в недрах глобальной однополярности, к новому укладу, смещающемуся по ряду признаков к многополярному плюрализму (постамериканскому миру). В свою очередь, межгосударственные отношения, равно как и любая иная большая социальная система, переживающая состояние транзита, пребывают в положении турбулентности и стохастизма. При внимательном анализе кондиции межгосударственных отношений в их нынешней фазе развития можно обнаружить несколько характерных маркеров, наглядно передающих сущность и содержание происходящих внутри этой системы трансформационных процессов. По убеждению авторов настоящей публикации, вычленение этих маркеров (индикаторов) позволит глубже понять природу активно меняющейся глобальной политической реальности, а также будет способствовать ясному артикулированию и актуальной коррекции внешнеполитических стратегий и тактик Российской Федерации. Примененные авторами методы политологического анализа и сценарирования санкционируют детальное рассмотрение объекта и предмета предложенного исследования.

Ключевые слова: мировой порядок, межгосударственные отношения, национально-государственный интерес, право силы, торгово-политические союзы, персональная дипломатия, Российская Федерация

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Лобанов К.Н., Шахов В.В. 2025. О некоторых индикаторах системы межгосударственных отношений в текущей фазе процесса трансформации мирового порядка. *Via in tempore. История. Политология*, 52(3): 732–744. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-732-744. EDN: VKTIWO

On Some Indicators of the System of International Relations in the Current Phase of the World Order Transformation Process

Konstantin N. Lobanov , Vyacheslav V. Shakhov

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russia
Email: lobanov.politika@gmail.com, Schahov.slava@yandex.ru

Abstract. The current state of international relations reveals a clear dynamic of transition from the international rules-based order, generated in the depths of the unipolar global order, to a new one. The latter

© Лобанов К.Н., Шахов В.В., 2025

is shifting to multipolar pluralism (the post-American world) on several grounds. In turn, international relations, as well as any other large social system undergoing a state of transition, are characterized by turbulence and stochasticity. A careful analysis of the current phase of international relations' development can reveal several distinctive indicators that clearly convey the condition and content of the transformation processes occurring within this system. The authors of this article believe that identifying these indicators will allow a deeper understanding of the nature of the actively changing global political reality. Furthermore, it will contribute to the clear expression and correction of the current foreign policy strategies and tactics of the Russian Federation. The methods of political science analysis and scripting used in this article authorize a thorough examination of the object and subject of the proposed study.

Keywords: world order, international relations, national public interest, right of might, trade and political alliances, personal diplomacy, Russian Federation

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Lobanov K.N., Shakhov V.V. 2025. On Some Indicators of the System of International Relations in the Current Phase of the World Order Transformation Process. *Via in tempore. History and political science*, 52(3): 732–744 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-732-744. EDN: VKTIWO

Введение

Современная система межгосударственных отношений пребывает в транзиторном состоянии. В основе этого процесса находится смена мировых порядков, установившихся после окончания Второй мировой войны, и последующим за ней бинарным разделением мира. Согласно ряду исследователей, например, Р. Хаассу, таких мироукладов было два – это параллельно существовавшие порядок «холодной войны» и система либерализма [Haass, 2019]. Сегодня оба мировых порядка по всем очевидным признакам переживают период позднего *dominatus*. В массе таких симптомов особенно заметна деградация ООН и ВТО – международных институтов, призванных олицетворять существовавшие более полувека мировые порядки. В контексте данной публикации не имеет большого смысла детально анализировать процесс отмирания уходящих моделей мироустройства в силу аксиоматичности происходящих на наших глазах перемен и предшествующего рассмотрения этой темы авторами. Гораздо более продуктивным в исследовательском и прикладном плане будет сосредоточиться на следующих позициях: во-первых, коротко остановиться на причинах социально-исторического декаданса и смены мировых порядков; во-вторых, не менее лаконично определить вектор движения к новой системе миропорядка; в-третьих, обратить внимание на характерные признаки межгосударственных отношений в состоянии нынешней переходной фазы глобального развития; в-четвертых, изложить авторские соображения в соответствии с полученными выводами.

Первые две заявленные позитуры можно обозначить пунктиром. Вряд ли вызовет серьезные возражения констатация факта, что причиной эрозии того или иного мирового порядка, как правило, является упадок великой державы / великих держав, выполнявших флагманские функции и функции блестителя/блестителей внутрисистемных и межсистемных правил поведения. Полная или частичная неспособность страны или стран-основоположников конкретной системы исполнять свои лидерские обязанности служит, по сути, приговором всей системе, распад которой становится предрешенным, хотя и может быть пролонгированным по времени. В Новое и Новейшее время такая участь постигла Венскую систему межгосударственных отношений («Концерт держав»), просуществовавшую с 1815 г. и в несколько видоизмененном виде до 1914 г., Версальскую систему 1919 г. – конца 30-х годов XX столетия, Ялтинско-Потсдамскую систему или систему периода «холодной войны» 1945–1991 гг., систему однополярного либерального мироустройства, подававшую сигналы кризиса с начала текущего столетия и обнаружившую критические нарушения целостности во втором его десятилетии [Kissinger, 2023]. Глобальная торгово-экономическая, технологическая и военно-политическая динамика свидетельствует о нарастающем тренде,



направленном на смену безальтернативной доминанты США в мире иными вариативными конструктами межгосударственных отношений. С позиций методик прогностического анализа ими могут быть признаны либо дихотомичная модель Китай – США (*Pax Sinica – Pax America*), либо полиполярная конфигурация из нескольких макрорегиональных центров влияния и силы [Евстафьев, 2023]. В обоих случаях отправной точкой движения по заданным курсам становится очевидность невозможности страны-лидера поддерживать по тем или иным причинам установленный ею самой и в основном в своих собственных интересах внутрисистемный дисциплинарный режим. Сопровождающая переходное состояние нестабильность содержит в себе как элементы стохастичности и непредсказуемости в межгосударственных отношениях, оказавшихся вдруг в разбалансированном виде, так и включает в себя уже некие конкретные фрагменты будущей общепланетарной архитектоники, учет и верная интерпретация которых позволит управляющим администрациям придерживаться корректной логики национального развития в столь непростых условиях. Значимость последних из этих тезисов для военно-политического руководства Российской Федерации обусловила содержание основной части настоящей научной публикации.

Цель исследования

Акцентировать внимание на наличие и научно интерпретировать сущностные особенности (показатели) состояния системы межгосударственных отношений в ситуации упадка однополярной глобальности и перехода к иным эволюционным формам мироустройства.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является мировой порядок, находящийся в фазе транзита. Предметом исследования выступает система межгосударственных отношений, которая существует и развивается в транзиторных условиях. В процессе работы над публикацией авторами применены сценарный метод развития сложных систем, функциональный и деятельностный методы.

Результаты и их обсуждение

Одной из самых заметных реалий мировой политики сегодняшнего дня, пожалуй, является нарушение баланса между государственными интересами акторов и их международными обязательствами, между целями и приоритетами национальной внешней политики и необходимостью консолидаций по признакам социокультурной и иной общности. При смещении приоритет отдается первым позициям таких бинарных конструкций, что, в свою очередь, не может вызывать особых возражений, поскольку обеспечение примата национально-государственных интересов всегда было и остается краеугольным камнем внешнеполитической деятельности. Тем не менее авторы делают акцент на качественной стороне этого процесса, поскольку его содержание в определенной степени отличается от аналогий прежних эпох. Обращает на себя внимание то, с какой легкостью и без сожаления государства обрушают международно-правовые и институциональные устои прежних систем мироустройства в угоду зачастую эгоистично или по меньшей мере узокорпоративно понимаемым и интерпретируемым национально-государственным интересам [Лавров, 2023]. Сегодня в мировой политике происходит то, чего не могло бы случиться еще двадцать тридцать и далее лет назад. В эпоху «холодной войны» и в значительную часть последующего постбиполярного периода государства-гаранты существовавших тогда мировых порядков стремились не предпринимать действий, выходящих за пределы установленных ими же самими договорных и организационно-структурных рамок. Если же такое случалось, то, как правило, происходило на периферии зон влияния и не имело критического влияния на общемировую ситуацию, за исключением, может быть, Берлинско-Карибского кризиса 1963 г.

Одновременно практически все субъекты межгосударственных отношений стремились выстраивать свои национальные внешнеполитические стратегии в соответствии с принадлежностью к той или иной социокультурной или военно-политической идентичности. Так, например, после Второй мировой войны государства социалистического лагеря занимали общую позицию по ключевым вопросам мирового развития в силу идеологической и политической гомогенности и вхождения в соответствующие организации, а страны Запада консолидировали свои внешнеполитические курсы по тем же основаниям. Поведению грандов вторили другие. Во время военных конфликтов и политических кризисов на Ближнем Востоке в 1947–1973 годах большинство арабских стран относительно сплоченно выступали против Израиля и государств западного союза, движимые сопричастностью к единому цивилизационному пространству и охваченные порывом этно-конфессионального солидаризма. В постбиполярный период ведомый Соединенными Штатами Америки объединенный Запад выстраивал собственный миропорядок, известный как *Rules-Based Order*, и пытался экстраполировать эту систему взаимоотношений на весь мир посредством контролируемых им глобалистских институтов, таких как *G7*, *МВФ*, *ВТО*, *ВОЗ*, и др. С различной степенью успеха США удавалось не только поддерживать дисциплинарный режим внутри сообщества стран Глобального Севера, но и встроить в вертикаль однополярности некоторые страны незападной части планеты [Богданов, 2015, с. 97].

С начала второго десятилетия XXI века контекст общемировой политики стал меняться. Сначала Великая рецессия 2008 г., а затем распространение вируса *SARS-CoV-2* в 2020–2022 годах реанимировали в либерально-глобалистской части мира такие полузабытые социально-управленческие практики, как государственное планирование, жесткий этатизм, экономический эгоизм и автаркию [Лебедева, 2022, с. 94]. Подобное реверсивное движение стало своего рода реакцией стран на низкую способность межгосударственных наднациональных институций эффективно действовать в ситуации потрясений планетарного масштаба. В свою очередь, потребность экстренного запуска национальных программ кризисного менеджмента натолкнулась на пределы государственного суверенитета в условиях глобализирующющейся экономики и политического пространства. Переступив через эти сдерживающие факторы, государства стали переходить к субстативным мерам и обосновывали их использование исключительно своими национально-государственными интересами, что в определенной степени помогло некоторым из них преодолеть пик кризиса в условиях дефрагментации мирового рынка и гуманитарного коллапса [Martínez-Córdoba, Benito, García-Sánchez, 2021]. В последующем абсолютизация национально-государственного интереса с одновременным перемещением прежних международно-правовых обязательств и институциональных аффилиаций на факультативные позиции становится длинным трендом.

Важно отметить роль идеологических и политических факторов в таком крутом и резком изменении траектории глобального развития. Одним из последствий всеобщей дезорганизации и управленческой дисфункции периода пандемии стала реанимация националистических настроений, затронувших часть правящих элит и определенный сегмент обществ. В национализме и связанном с ним тесно популизме как доктрине и практике, фетишизирующими интересы этноса, политику видел естественный выход из пула накопившихся проблем. В результате по завершению первого после ковидного кризиса электорального цикла в ряде ключевых стран победили или получили внушительное представительство в органах власти партии и лидеры националистической и право- популистской ориентации, принявшиеся активно проводить политику протекционизма и эгоцентризма, прежде всего во внешнеэкономической сфере [Mansfield, Solodoh, 2022]. Кульминацией процесса стали действия США во время текущей второй каденции республиканской команды Д. Трампа. Популистский по своей сути лозунг *«Make America great again»* начал реализовываться посредством практически неизбирательного, повсеместного введения протекционистских таможенно-тарифных ограничений в отношении



других стран и объединений. Таким способом пришедшая к власти национально ориентированная часть американской элиты пытается изменить в пользу своей страны сальдо внешнеторгового баланса и усилить приток капитала в США [El-Erian, 2025]. Эти свои и подобные им шаги в экономике, торговле и финансах республиканцы мотивируют исключительно защитой национально-государственных интересов и намерены проводить этот курс в других средах государственной деятельности [Trump, 2025]. Жесткие эгоцентричные экономические императивы отчетливо прослеживаются и в американской внешней политике. Так, без особого сожаления США обещают порвать с межгосударственными интегративными союзами, в которые они входят, если другие члены этих объединений не примут новых американских правил игры. Это хорошо прослеживалось в случаях с *НАФТА*, где США развязали настоящую торговую войну против своих ближайших партнеров Канады и Мексики, или с Атлантическим альянсом, где понуждали союзников к кратному увеличению расходов до уровня бюджета военного времени. Продавливая свои интересы, США легко переступают через прежние свои обязательства, взятую когда-то ответственность и зафиксированные членства. Более того, Вашингтон идет на открытую конфронтацию с ближайшими федератами из-за Гренландии и канадской арктической зоны, расшатывая тем самым опоры ключевой структуры трансатлантической безопасности. Примат национально-государственных интересов над культурно-конфессиональной общностью возобладал и в незападной части мира. Арабские страны и исламские в целом предпочли не протестовать против операции по устранению движений *ХАМАС* и «Хезболла» Израилем, проигнорировали израильско-американскую агрессию в отношении Ирана, почти не реагируют на планы Тель-Авива по упразднению осколка несостоявшегося Палестинского государства в Газе [Nazaireh, 2025]. На постсоветском/евразийском пространстве наблюдаются схожие процессы. Государства бывшего Советского Союза, ныне входящие в состав курируемых Россией экономических и военных союзов *ЕАЭС* и *ОДКБ*, мало обращают внимание на блоковую солидарность и стремятся к эманципации и дистанцированию от политики страны-лидера, что со всей наглядностью продемонстрировал крэш-тест этих организаций в ходе специальной военной операции России на Украине [Лавров, 2025].

Таким образом, даже беглый взгляд на текущую ленту последних событий в мире дает основания говорить об изменившемся характере межгосударственных отношений в постглобальных реалиях. По основному признаку, а именно безусловному и практически абсолютно понимаемому принципу приоритета национальных интересов, эта система отношений напоминает ту, что была установлена в Европе на основе Вестфальского мира 1648 г. Как и в XVII столетии, государства в нынешних условиях действуют, исходя, прежде всего, из собственных интересов, а не идеологических, религиозных, блоковых и т. п. соображений. Констатация этого обстоятельства позволяет авторам фиксировать его в качестве одного из индикаторов системы межгосударственных отношений в актуальной фазе мирового развития, детерминирующего в известном смысле последующие анализируемые показатели.

Следующим параметром оценки ландшафта современных межгосударственных отношений авторы определили бы войну. Ревитализация вооруженной силы как инструмента обеспечения национально-государственных интересов происходит на фоне глобальной турбулентности и фундаментальной неопределенности, ставших следствием стремительного слома прежних конфигураций мироустройства и концентрации акторов на проблемах преимущественно эндогенного свойства. В постглобальном мире многие государства, особенно крупные державы, все меньше следуют в фарватере внутриблоковой политики, часто игнорируют общие интересы и поглощены исключительно внутренней повесткой. Уже отмечалось ранее, что в поведении республиканской администрации США отчетливо прослеживается экономикоцентрическая мотивация на грани бухгалтерской. Команда Д. Трампа, в отличие от глобалистов Дж. Байдена, стремится уйти из внешнего мира и не будет жестко контролировать государства, находящиеся в поле гравитации США, и тем более тяготеть к расширению орбиты влияния, так как экспансия дорого стоит и клиента требует

содержания. Объединенная в союз Европа зацикlena на спасении своей ориентированной на экспорт экономики, к рецессии которой в немалой степени приложили руку те же Соединенные Штаты. Китай сосредоточил свои усилия на борьбе с затуханием темпов экономического роста и на противостоянии растущей конкуренции со стороны Индии. Что же касается России, то практически все ее внимание и ресурсный потенциал направлены на достижение поставленных целей в специальной военной операции на Украине. В условиях глобального безнадежия и неупорядоченности связей ряд государств восприняли такое состояние межгосударственных отношений как своего рода «время возможностей» для экстренного удаления узлов противоречий со своими соседями. И наиболее эффективным способом решения таких задач, по мнению военно-политического руководства этих стран, стал бы *ultima ratio regum*. Первое и особенно второе десятилетия XXI века ознаменовались целой серией региональных войн с отчетливой сегментацией двух театров военных действий (ТВД) – европейского и ближневосточного. На первом из них протагонистами силовой политики стали Азербайджан и Россия, а на втором – Турция и Израиль в союзе с США, проводившие в разное время военные акции против своих оппонентов [Mankoff, 2024, р. 48].

Использование силового сценария в целях продвижения своих интересов, характерное для нынешнего состояния межгосударственных отношений, имеет все шансы переместиться с регионального на глобальный уровень с похожей дуалистической дифференциацией на ТВД – индо-тихоокеанский и европейский. Стратегический контекст в первом поле задается американо-китайским противоборством за первенство в этой перспективной зоне, через которую проходит 46 % мировой торговли и где сосредоточено 63 % мирового ВВП. Обе стороны предпринимают вполне конкретные шаги в направлении эскалации, начиная с масштабных программ перевооружения и завершая территориальной или военно-политической экспансией в регионе. С позиции США последняя выражается в окружении своего противника сетью альянсов, в том числе небезызвестных «Квадро» (QUAD) и AUKUS. Китай, в свою очередь, серьезно намерен довершить реинтеграцию Тайваня и пытается расширить сферу своего присутствия в акватории Южно-Китайского моря за счет создания «баз подсекока» на искусственно создаваемых островах и атоллах [Петровский, 2022, с. 54]. Европейский очаг глобальной напряженности актуализируется через ожесточенную схватку, ведущуюся Западом с Россией посредством украинской прокси-войны и «Большой игры – 2» на остальном постсоветском пространстве. Одновременно стороны фактически вступили в плотный клинч, что подтверждается взаимными гибридными атаками и очаговым напряжением, в частности в Балтийском бассейне. О серьезности милитаристских намерений стран НАТО в отношении России свидетельствует беспрецедентный процесс перевооружения. Согласно открытым данным, сегодня в Европе производство вооружений расширяется в три раза быстрее, чем в мирное время, охватывая более 7 млн кв. м новых промышленных площадей. Этот строительный бум – материальное воплощение «возрождения оборонной промышленности», которое анонсировали европейские правительства после начала украинского кризиса. Синхронно с переводом промышленности на военные рельсы в Европе готовится инфраструктура к переброске войск и техники на восток, наращивается численность армий, формируются штабы для командования объединенными группировками и т. д. Военные приготовления отражаются на информационной повестке, где отчетливо прослеживается милитаристская тематизация дискурса. В свою очередь, медийная реальность начинает формировать культурную реальность, что видно по результатам выборочных опросов европейцев. Так, например, 64 % опрошенных взрослых немцев поддерживают усилия властей стран ЕС по укреплению безопасности и рост военных расходов, считая при этом Москву военной угрозой. Общественное восприятие отношений с Россией у британцев еще более однозначно: семь из десяти респондентов считают Россию враждебной угрозой. Вполне очевидно, что целью всех медийных манипуляций в западных странах является переформатирование ментальной карты аудитории на основе демонизации противника и приучения собственного населения к мышлению и поведению в категориях «нации войны».



Завершая эту тему, нельзя удержаться от соблазна вновь провести исторические параллели. Нынешняя ситуация с возрастанием силового фактора в мировой политике напоминает период окончательного развала остатков Венской системы XIX столетия и канун Первой мировой войны. Как и в прошлом, череда острых политических кризисов и локальных войн, подпитанных мощной информационной накачкой, подводит мировое сообщество к убеждению в безальтернативности милитарных способов разрешения противоречий и усиления своих позиций. С другой стороны, осознание глобальными лидерами тупиковости следования этой линии в межгосударственных отношениях заставляет их искать пути нейтрализации «силового соблазна». Некоторые из этих попыток, наряду с фиксацией доминанты военной опции в мировой политике, следует рассмотреть далее в качестве выделенных объектов анализа.

Расширение зоны военной эскалации в мире, сбои на глобальных рынках и в экономике вследствие таможенно-тарифных ограничений и санкций создали сильный стрессовый фон. В этой ситуации многие страны принялись переформатировать свои экономико-торговые и военно-политические связи, так как прежние перестали работать, включая институции, призванные эти связи упорядочивать, например, *ВТО* и *МВФ*. Изменение форматов отношений между государствами сейчас происходит по линии образования главным образом новых торговых союзов (альянсов). Критериями сближения выступают связанность экономик, конвертируемость стандартов, логистическая доступность. Пионерами процесса являются США и Китай, принявшиеся динамично организовывать собственные экосистемы в мировой торговле. По мнению некоторых исследователей, наиболее результативно это получается у Китая [Froman, 2025]. В условиях тарифных войн и санкционного прессинга со стороны США китайская система проявляет гибкость и адаптивность, предлагая свое экономическое и торговое сотрудничество многим странам через целый ряд различных инициатив в области трансграничных расчетов, которых сейчас насчитывается около десяти [Yun Sun, 2025]. Пекин умело использует кредитные и инвестиционные инструменты, привязывая к себе экономики целых регионов [Wang, Kroeber, 2025]. Так, например, Китай весной 2025 г. заключил несколько новых экономических соглашений с правительством Индонезии, включая проект создания «двойного» индустриального парка стоимостью около 3 млрд долл., который соединит Центральную Яву с провинцией Фуцзинь. Ожидается, что проект создаст тысячи рабочих мест в Индонезии, в то время как США не предлагает ничего подобного. Центральный банк Индонезии и Народный банк Китая также договорились о развитии торговли в местных валютах, и обе страны пообещали укреплять сотрудничество в морской сфере; обе сделки удивили американских политиков. Помимо АТР китайцы энергично продвигают свои интересы в Центральной Азии и России, попутно закрепляясь в Африке и Латинской Америке и обгоняя США. Соединенные Штаты также пытаются расширить свое эндогенное поле и вписать его в мирохозяйственную структуру, основанную на новых реалиях. Однако в отличие от своих китайских конкурентов Вашингтон предпочитает действовать жестко, методами диктата, хотя сами американцы называют свой подход «трансляцией мощи, которая зиждется на последовательном, дисциплинированном и заслуживающим доверия руководстве» [Kimmage, 2025]. К тому же в противоположность Пекину, не навязывающему другим странам собственных систем безопасности, США стремятся армировать зону своих экономических интересов военно-политическими коалициями. Ближайшими пределами притязаний для США остаются все Западное полушарие и Индо-Тихоокеанский бассейн. Неприятие американского дисциплинарного подхода в экономике, торговле и финансах заставляет страны и целые регионы либо интегрироваться в «*Pax Sinica*», как это происходит в АТР, Латинской Америке и Африке, либо дистанцироваться от всех блоков, выстраивая собственные экономические галактики наподобие Индии и России. Российская стратегия выглядит наиболее диверсифицированной и многофункциональной. В ситуации прокси-войны с Западом и санкций страна вынуждена была переориентировать свои экспортные потоки в направлении Глобального Юга и налаживать импорт критически важных товаров и компонентов, прежде

всего, из «мастерской мира» – Китая. Общие для двух держав угрозы безопасности приближают взаимные траектории движения к точке заключения военного союза. Взаимовыгодные хозяйствственные связи Россия стремится поддержать отношениями военно-политического партнерства с другими странами. Так, в контактах с Ираном отчетливо прослеживаются экономическая линия (сотрудничество по обустройству международного транспортного коридора «Север – Юг») и военно-политическая установка (кооперация в рамках Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве от 17 января 2025 г.). Похожее взаимодействие налажено у России с КНДР.

Система торгово-экономических и военно-политических взаимосвязей, сложившаяся в последние годы в рамках *CRINK* (Китай, Россия, Иран Северная Корея), может свидетельствовать, в частности, о начавшейся новой поляризации в геоэкономическом и geopolитическом пространствах. Пока это еще выглядит как неформальный антиамериканский альянс, но данная конструкция имеет все шансы стать прообразом возникновения нового постамериканского мирового порядка, фундаментом которого будут макрорегионы, а не глобализация. Стоит согласиться с гипотезой И. Валлерстайна об экономической выживаемости в XXI столетии и далее нескольких макрорегионах с населением и внутренним рынком не менее 2–3 млрд человек [Wallerstein, 1999, p. 122]. Внутри этих образований будут создаваться своя логистика, стандарты и прочие блоковые атрибуты. Доминировать внутри макрорегиона станет страна-лидер, которая, по словам ученого, будет обладать «квазимонополией геополитической власти» внутри системы [Wallerstein, 2010, p. 135]. Таким образом, идея о разделении мировой торговли и политического пространства на два – а впоследствии, возможно, и более, – союза (блока, альянса), с одной стороны – США, с другой – Китая и его союзников, начинает постепенно прорисовываться. И, вновь обращаясь к историческим параллелям, мы вспоминаем, что так уже было в недавнем прошлом, когда на планете существовали два лагеря, возглавляемые США и СССР. Изнутри эти коалиции скреплялись системой торгово-экономических и военно-политических соглашений и организаций, практика инсталлирования которых восходит еще к XIX столетию. Вместе с тем далеко не последнюю роль в поддержании функциональности полюсов и налаживании отношений между ними играл такой фактор, как персонификация политики. Определенные ассоциации с возрастанием личностных аспектов в межгосударственных отношениях можно проследить сегодня.

В обстановке эрозии постамериканского мирового порядка, ориентированного на жесткую однополярную глобализацию, многочисленные политические акторы пытаются нашупать какие-либо компенсаторные механизмы, способные заместить не работающие или частично работающие прежние институты, правила и соглашения. Часть акторов, как например, ЕС, пытаются вписаться в новую уставную поведенческую рамку, диктуемую США в сфере торговли и системе безопасности, и то хотя бы на время. Другие страны игнорируют действия США и создают антиамериканские альтернативные экономические и политические измерения, как Китай, Россия, Иран. Еще часть заявляют о позиции, суть которой состоит в том, чтобы не присоединяться ни к кому, демонстрируя относительную самодостаточность наподобие Индии и крупных стран Южной и Латинской Америки. Не трудно заметить, что в ситуации только начинающейся кристаллизации новых geopolитически значимых рынков и пространств безопасности и сохраняющейся неопределенности и неупорядоченности в межгосударственных отношениях, общим местом является выстраивание системы персональных договоренностей. Вступая в сделочные связи, лидеры разных стран видят в них своего рода страховую гарантию обеспечения национально-государственных интересов, подкрепленную своим и контрагента личным поручительством и политическим авторитетом [Kerr, Wiseman, 2013, p. 74]. Нельзя сказать, что такой практики не было ранее. В Новое время это называлось «дипломатией королей», в новейшей истории также было немало примеров, когда прямые контакты глав государств и достигнутые в их ходе результаты становились историческими прорывами. Такими иллюстрациями могут быть, например, встреча Дж. Форда



и Л. Брежнева во Владивостоке в 1974 г. или раут Р. Никсона и Мао Цзэдуна в Пекине в 1972 г. Персональная дипломатия второго десятилетия XXI века не претендует на кардинальное изменение историко-политического контекста, а скорее выполняет техническую функцию зондажа намерений, т. е. того, с чем в прежние времена успешно справлялись дипломатические ведомства и спецслужбы. Сегодня же, когда многие переговорные площадки либо не функционируют, либо их работа блокируется сторонами, а сведения разведки не дают полного видения перспективы, эта функция перешла к лидерам стран наряду с миссией последнего шанса на высвобождение переговорных процессов от ступоров и спазмов. Паттерном личного общения на высшем уровне служит непосредственный диалог российского и американского президентов В. Путина и Д. Трампа по вопросам двухстороннего сотрудничества и урегулирования локальных кризисов в мире. Оба лидера в ходе личных собеседований осторожно прощупывают друг друга относительно дальнейших замыслов и выражают намерение придать своим прямым участием импульс актуальным, но забуксовавшим процедурам [Vlahos, 2025].

Несмотря на операционный в некоторой степени характер современной личной дипломатии, ее значение остается релевантным. В нынешних довольно сложных условиях функционирующая коммуникация между главами стран, что особенно важно для крупных мировых держав, остается, по сути, единственным надежным каналом политического взаимодействия по широкому спектру вопросов сотрудничества. Признание этого обстоятельства позволяет закрепить дипломатию на уровне личностей, осуществляющую вне формальных дипломатических каналов, в качестве знакового индикатора системы современных межгосударственных отношений.

Фиксация и научная интерпретация особенностей и сущностных характеристик текущего мирового политического процесса имеет сколько академический, столько и прикладной смысл. Правильное понимание этих изменений и своевременная адаптация к ним правящих национальных администраций позволяет в определенной степени влиять на формирование политico-стратегического ландшафта, а не оказаться на его обочине. Для военно-политического руководства России крайне остро стоит вопрос отстаивания национально-государственных интересов во внешней политике. Из-за своих амбивалентных и непоследовательных действий на мировой арене страна в последние годы сдала ведущие позиции в целых географических регионах (Большой Ближний Восток, Южный Кавказ). Под сомнением лидерство России в Центральной Азии и в африканском Сахеле. Негативная в целом результативность российской внешней политики во многом является следствием отсутствия внятной идеологической составляющей национального развития [Давыдов, 2022, с. 98]. Игнорирование концептуально-доктринальных идеологических конструктов делает внешнюю политику государства полой, лишенной внутренних опор и ориентиров, так как идеология – это, прежде всего, видение стратегии будущего. Такой образ грядущего предстоит уяснить, прежде всего, самим и затем предлагать его в виде привлекательных интеграционных проектов остальным. Сейчас этого нет, и это предстоит совершить, в чем, по убеждению авторов, состоит фундаментальный национально-государственный интерес России во внешней политике. Что же касается инструментария реализации таких интересов, то его вариативность может определяться текущим контекстом, но коррелироваться с базовыми потребностями общества и государства, отраженными в системе концептуально оформленных идей, разделяемых большинством населения и реализуемых органами власти и управления во всех социальных сферах.

Реверсия интенсивной вооруженной конфронтации как орудия политики в мире должна послужить для российских властей сигналом к стратегической переоценке ряда внешнеполитических ориентиров и практик. В ситуации возросших военных угроз извне страна нуждается не в ситуативных попутчиках и молчаливо-пассивных лоялистах, а в реальных боевых союзниках, готовых принять вместе с Россией любой удар и в то же время уверенных в оказании своевременной и достаточной помощи со стороны России в случае агрессии третьей стороны. Система военно-стратегического союзничества с



заинтересованными акторами, прежде всего, с geopolitically значимыми крупными державами наиболее полно соответствует долгосрочным национально-государственным интересам нашей страны, поскольку не только будет усиливать ее позиции в мире, но и позволит курировать скатывание мира к Большой войне [Дугин, 2023]. Поиск и обретение федератов является для российской дипломатии делом перспективным, но не единомоментным. Пока же в целях снижения военных рисков стоило бы не упускать те возможности, которые предоставляют нам для маневра время и действия других стран. Перефразируя известную мысль классика марксизма, нужно учиться извлекать выгоду из межгосударственных противоречий в недружественной нам части мира [Ленин, 1970, с. 56]. Одним словом, скрытое и прямое напряжение в отношениях вероятных противников – это выигрышная позиция, которой нужно и можно правильно и своевременно распорядиться.

Если с оппонентами все более или менее понятно, то с союзниками дело обстоит не так однозначно. В мире формируется новая полюсность, в рамках которой суверенностью будут обладать только эти центры влияния и силы, а фронтальные государства обречены на кратковременную многовекторность с последующей абсорбцией в одно из интегрирующихся пространств. Это хорошо заметно на примере стремительной смены geopolитических векторов постсоветских республик, ориентирующихся на западные, в частности США, силовые системы безопасности и экономические модели развития [Кортунов, 2022]. Для России это серьезный сигнал и вызов, на который необходимо реагировать, в том числе в плане реновации институционального дизайна существующих интеграционных структур. Сегодня назрела очевидная потребность в проведении ревизии торгово-экономических и военно-политических отношений со странами Ближнего Зарубежья, замене «рыхлых» и малопродуктивных союзов и организаций на дееспособные, а главное – выгодные для самой России в смысле отдачи (блоки с выборочным предоставлением членства). Без выстраивания собственной периферии с надежными внутрисистемными связями нашей стране трудно будет претендовать на мир-системный статус с угрозой вхождения ее отдельных регионов в чужие зоны гравитации.

В целях обеспечения национально-государственных интересов необходимо использовать доступные коммуникационные каналы. В атмосфере фундаментальной неопределенности как состояния международной среды личные контакты лидеров являются важным индикатором поддержания живучести традиционных начал в дипломатии. В зависимости от содержания коннект может осуществляться в форме императивного или факультативного диалога с фокусировкой дискурса на актуальных вопросах двусторонних отношений и мирового развития. Принципиальными моментами выступают трезвая оценка геоэкономической и geopolитической конфигурации, объективный расчет сил, средств и условий, выработка переговорной стратегии и тактики, отчетливое понимание и последовательное отстаивание позиции.

Заключение

Результатом настоящего исследования могут быть представлены следующие обобщенные выводы. Текущая фаза трансформации мирового порядка характеризуется как состояние транзита от однополярной глобализационной модели к биполярной или полиполярной формам мироустройства. Автоматического или какого-либо иного восстановления *status quo ante* вряд ли стоит ожидать в силу воздействия ряда объективных и субъективных факторов. Формирование новой геоэкономической и geopolитической конфигурации сопровождается стрессовой обстановкой в межгосударственных отношениях, ставшей следствием динамичного разрушения основ прежнего уклада и детерминацией настроений фундаментальной неопределенности. Определяющими индикаторами эпикриза среды авторы выделили доминантность национально-государственных интересов (зачастую эгоистично трактуемых) над институциональными аффилиациями и практиками социо-культурного солидаризма во взаимоотношениях между странами; ревитализацию войны и права силы как инструмента политики; формирование нового институционального дизайна трансрегиональных торгово-военных союзов в соответствии с меняющимся стратегическим контекстом; повышение роли персонального фактора в политике на



фоне деградации традиционных каналов дипломатической коммуникации. Нынешнее состояние межгосударственных отношений является для Российской Федерации временем вызовов и открывающихся возможностей. Динамичный баланс рисков и перспектив можно свести к выгодной пропорции путем разработки и реализации внешнеполитической стратегии, в основе которой лежат переосмыслиенные в соответствии с меняющимся международным ландшафтом национально-государственные интересы, видение и понимание которых, в свою очередь, должно рассматриваться через идеолого-мировоззренческую призму и опираться на широкий общественный консенсус.

Список источников

- Дugin A.G. 2023. Нам нужен атакующий реализм. Русская народная линия, 10 октября. https://ruskline.ru/news_rl/2023/10/10/nam_nuzhen_atakuyuwi_realizm?ysclid=mervcmlkm9963917927 (дата обращения: 24.08.2025).
- Евстафьев Д.Г. 2023. От саммита БРИКС к G 20: контуры будущего пост-глобального мира. Евразия. Эксперт, 18 сентября. <https://eurasia.expert/ot-sammita-briks-k-g20-kontury-budushchego-post-globalnogo-mira/> (дата обращения: 02.08.2025).
- Кортунов А.В. 2022. Болезненная адаптация Москвы к постсоветскому пространству. Российский совет по международным делам, 1 апреля. <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/moscow-s-painful-adjustment-to-the-post-soviet-space/?ysclid=meqtp9gbb195412594> (дата обращения: 25.08.2025).
- Лавров С.В. 2023. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 23 сентября. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/general_assembly/1905973/ (дата обращения: 03.08.2025).
- Лавров С.В. 2025. Лавров рассказал о войне России против Запада. РБК, 28 июля. <https://www.rbc.ru/politics/28/07/2025/688746759a794772781fef2a> (дата обращения: 11.08.2025).
- Цыплаков С.С. 2024. Об основных трендах развития торговли России и Китая. Российский совет по международным делам, 13 сентября. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-osnovnykh-trendakh-razvitiya-torgovli-rossii-i-kitaya/> (дата обращения: 18.08.2025).
- El-Erian M.A. 2025. Is America Destroying the World Economy? Foreign Affairs, July 14. <https://www.foreignaffairs.com/united-states/america-breaking-global-economy-uncertainty-world-mohamed-el-erian> (accessed: 10.08.2025).
- Froman M.B.G. 2025. After the Trade War. Remaking Rules from the Ruins of the Rules-Based System. Foreign Affairs. September-October. <https://www.foreignaffairs.com/united-states/after-trade-war-michael-froman> (accessed: 17.08.2025).
- Haass R. 2019. How a World Order Ends. Foreign Affairs. January-February. <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends?cid=int-nbb&pgtype=hpg> (accessed: 02.08.2025).
- Hazaikeh H. 2025. The Urgent Need for Arab Unity. The Muslim Times, February 27. <https://themuslimtimes.info/2025/02/28/the-urgent-need-for-arab-unity/> (accessed: 11.08.2025).
- Kimmage M. 2025. The Pernicious Spectacle of Trump's Russia-Ukraine Diplomacy. Foreign Affairs, August 19. <https://www.foreignaffairs.com/russia/pernicious-spectacle-trumps-russia-ukraine-diplomacy> (accessed: 20.08.2025).
- Kissinger H.A. 2023. Henry Kissinger Surveys the World as He Turns 100. The Wall Street Journal, May 26. https://www.wsj.com/opinion/the-great-strategist-henry-kissinger-turns-100-china-ukraine-realpolitik-81b6f3bb?mod=Searchresults_pos2 (accessed: 02.08.2025).
- Mansfield E., Solodoch O. 2022. Pandemic Protectionism: COVID-19 and the Rise of Public Opposition to Trade. Social Science Research Network Electronic Journal, June 3. <https://ssrn.com/abstract=4128046> (accessed: 10.08.2025). doi:10.2139/ssrn.4128046.
- Martínez-Córdoba P-J., Benito B., García-Sánchez I-M. 2021. Efficiency in the Governance of the Covid-19 Pandemic: Political and Territorial Factors. Globalization and Health, 17. Article number: 113. <https://globalizationandhealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12992-021-00759-4> (accessed: 05.08.2025).
- Trump D.J. 2025. The Inaugural Address, January 20. The White House. <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/> (accessed: 10.08.2025).

Vlahos K.B. 2025. Deal or no deal? Alaska summit ends with vague hints at something. *Responsible Statecraft*, August 15. <https://responsiblestatecraft.org/alaska-summit-putin-trump/> (accessed: 23.08.2025).

Wang D., Kroeber A. 2025. The Real China Model. *Foreign Affairs*, September-October. foreignaffairs.com/china/real-china-model-wang-kroeber (accessed: 21.08.2025).

Yun Sun. 2025. China Is Enjoin to Trump 2.0. How the Trade War Is Helping Beijing Prepare for Long-Term Competition. *Foreign Affairs*, August 15. <https://www.foreignaffairs.com/china/china-enjoying-trump-20> (accessed: 17.08.2025).

Список литературы

- Богданов А.Н. 2015. «Американская однополярность» и системный баланс сил в начале XXI века. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения, 2: 96–107.
- Давыдов А.А. 2022. Модель анализа идеологии во внешней политике. Мировая экономика и международные отношения, 66(8): 93–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-8-93-100>
- Лебедева М.М. 2022. Влияние пандемии COVID-19 на мировую политику. Вестник МГИМО-Университета, 15(1): 92–110. doi: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110
- Ленин В.И. 1970. Речь на собрании актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г. Москва, Государственное издательство политической литературы, 42: 55–78.
- Петровский В.Е. 2022. Концепция «Индо-Тихоокеанского региона» как попытка переформатирования региона. Аналитические записки Института Китая и современной Азии Российской академии наук, 1: 52–56. doi: 10.48647/IFES.2022.87.88.011
- Kerr P., Wiseman G. 2013. *Diplomacy in a Globalizing World: Theories and Practices*. New York, Oxford, Oxford University Press, 406 p.
- Mankoff J. 2024. The Middle East and the Ukraine War: Between Fear and Opportunity. *Middle East Policy*, 31(2): 47–66. <https://doi.org/10.1111/mepo.12738>
- Wallerstein I. 1999. *The End of the World as we Know it: Social Science for the Twenty-First Century*. Minnesota, University of Minnesota Press, 277 p.
- Wallerstein I. 2010. Structural Crisis. *New Left Review*. 62, (March-April): 133–142.

References

- Bogdanov A.N. 2015. «Amerikanskaya odnopolyarnost'» i sistemny'i balans sil v nachale XXI veka [«American Unipolarity» and the Systemic Balance of Power at the Beginning of the 21st Century]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serya 6: Filosofya. Kulturologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2: 96–107.
- Davy'dov A.A. 2022. Model' analiza ideologii vo vnesnej politike [A Model for Analyzing Ideology in Foreign Policy]. Mirovaya ekonomika i mezdunarodny'e otnosheniya, 66(8): 93–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-8-93-100>
- Lebedeva M.M. 2022. Vliyanie pandemii KOVID-19 na mirivuyu politiku [The Impact of the COVID-19 Pandemic on Global Politics]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 15(1): 92–110. doi: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110
- Lenin V.I. 1970. Rech' na sobranii aktiva Moskovskoj organizacii RKP9b) 6 dekabrya 1920 g. [Speech at a Meeting of the Assets of the Moscow Organization of the Russian Communist Party(b) on December 6, 1920]. Moskva, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury', 42: 55–78.
- Petrovskij V.E. 2022. Koncepciya «Indo-Tihookeanskogo regiona» kak popy'tka pereformatirovaniya regiona [The Concept of the "Indo-Pacific Region" as an Attempt to Reformat the Region]. Analiticheskie zapiski Instituta Kitaya i sovremennoj Azii Rossijskoj akademii nauk, 1: 52–56. doi: 10.48647/IFES.2022.87.88.011
- Kerr P., Wiseman G. 2013. *Diplomacy in a Globalizing World: Theories and Practices*. New York, Oxford, Oxford University Press, 406 p.
- Mankoff J. 2024. The Middle East and the Ukraine War: Between Fear and Opportunity. *Middle East Policy*, 31(2): 47–66. <https://doi.org/10.1111/mepo.12738>
- Wallerstein I. 1999. *The End of the World as we Know it: Social Science for the Twenty-First Century*. Minnesota, University of Minnesota Press, 277 p.
- Wallerstein I. 2010. Structural Crisis. *New Left Review*. 62, (March-April): 133–142.



Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.06.2025
Поступила после рецензирования 17.08.2025
Принята к публикации 19.08.2025

Received 22.06.2025
Revised 17.08.2025
Accepted 19.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лобанов Константин Николаевич, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0001-7653-8937](#)

Шахов Вячеслав Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0000-3721-9071](#)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia

Vyacheslav V. Shakhov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia